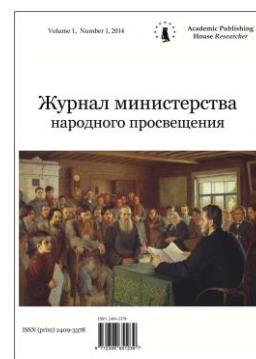

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
 Has been issued since 2014.
 E-ISSN: 2413-7294
 2019, 6(1): 53-68

DOI: 10.13187/zhmnp.2019.1.53
www.ejournal18.com

Was There the Influence of the University Statutes to the Development of Biological Science in Universities of Russian Empire?

Ekaterina Yu. Zharova ^{a, *}

^a S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology RAS (IHST RAS), Moscow, Russian Federation

Abstract

The author analyzes the University statutes to clarify the special articles that influenced on the development of science, especially biology. Each University statute focused on the functioning of the University as an educational institution, so science in the statutes is moved to the background. However, each statute had some paragraphs that were directly aimed at the successful development of scientific research in universities. However, in the statutes there weren't so many such specialized paragraphs, as the main purpose of the University was to be education. If we abstract from educational stuff in the statutes, we can find paragraphs that were not directly aimed at the development of science, but indirectly they, however, influenced on the scientific life of universities.

Keywords: University statute, Russian Empire, universities, natural department, science.

1. Введение

В 1900 г. редактор журнала «Исторический вестник» Б.Б. Глинский в своей статье об университетских уставах писал: «Нельзя утвердительно сказать, чтобы устав 1863 г. дал особенно мощный толчок к расцвету университетской науки. <...> все наиболее талантливое, яркое и существенное в научном отношении вышло из университетских стен, не после обновления их уставом 1863 г., а в предшествующие эпохи, с одной стороны, в период с 1835 по 1848 г., а с другой, в период 1855-1863 г.» (Глинский, 1900: 729). Он сомневался, было ли это результатом действия университетских уставов или каких-либо иных факторов, но резюмировал, что «во всяком случае влияние университетских уставов здесь несомненно» (Глинский, 1900: 729). В 1911 г. другой публицист Р.И. Сементковский писал: «...я решительно отказываюсь признать, что устав играет первенствующую роль в жизни университета. Во всяком случае, не устав вызывает процветание университетской науки» (Сементковский, 1911: 1013). Оба автора являлись представителями гуманитарных наук – Б.Б. Глинский окончил историко-филологический факультет, Р.И. Сементковский – юридический. Оба при действии одного из самых восхваляемых историками устава 1863 г., правда, первый – на закате, а второй – на заре его действия. Возникает вопрос, справедливы ли высказывания гуманистов для биологов, для профессиональной деятельности которых жизненно необходимы лаборатории? Так каким же образом влияли уставы на развитие университетской биологической науки?

* Corresponding author

E-mail addresses: zharova_ekaterina@bk.ru (E.Yu. Zharova)

2. Материалы и методы

В связи с заявленной тематикой данной статьи, оно базируется, в первую очередь на анализе положений законодательных актов – университетских уставов 1804, 1835, 1863, 1884 гг., опубликованных в Полном собрании законов Российской империи. Помимо этих уставов, автор касается уставов, принятых для отдельных университетов – Дерптского (1820, 1865), Киевского (1833, 1842), Варшавского (1869). Анализ законодательных источников дополняется материалами таких архивов, как Российский государственный исторический архив, Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Методологической основой исследования послужили принципы историзма, объективности и системности. Общенаучные методы познания (анализ, синтез и пр.) сочетаются со специальными историческими (проблемно-хронологический, сравнительно-исторический).

3. Обсуждение

В Российской империи в начале XIX в. научные исследования в области биологии были прерогативой Императорской Академии наук. Это было связано с отсутствием каких бы то ни было научных учреждений, способных заниматься научными исследования на высоком уровне. Несмотря на существование Московского университета, подходившего к своему полувековому юбилею, в нем не было достаточных условий для занятия наукой. Более того, 75-летний период существования Академии наук и 45-летний Московского университета не принесли желанных плодов в виде создания независимой русской науки, поэтому и в начале XIX в. пришлось приглашать на открывшиеся профессорские должности профессоров из Европы. При этом преимущества получили города, в которых к началу XIX в. существовали научные центры – Москва и Петербург. Еще один город, получивший импульс для развития науки, был Дерпт, расположенный географически близко к немецким землям, в которых было много университетских городов.

Помимо географического и личностного фактора для развития университетской науки основополагающее значение имело университетское законодательство, благодаря которому происходили изменения университетской научной жизни. Несмотря на то, что большая часть положений университетских уставов регламентировала функционирование университета как учебного заведения, некоторые положения были связаны с развитием науки, хотя не всегда напрямую. Например, существенным нововведением университетских уставов 1804 г. была факультетская структура, выделявшая четыре отделения в самостоятельные равнозначные факультеты, что давало положительный импульс для развития естественных наук в университетах. Для Московского университета огромное значение имело создание второй кафедры естественных наук, Демидовской, которую занял зоолог Г.И. Фишер.

4. Результаты

Превознесение устава 1804 г. как либерального устава, за счет чего науке и образованию априори был дан импульс к развитию, в особенности в противовес консервативному уставу 1835 г., фактически «задушившему» зародившиеся ростки свободной науки, в отечественной историографии встречается довольно часто, особенно этим грешат публикации советского времени. Тем не менее, автономия сама по себе никак не способствовала развитию научных исследований. Более того, обременение различными поручениями в свете этой автономии (например, визитаторские функции или участие в заседаниях университетского суда), никак не могло являться стимулятором научной деятельности, которая, надо признать, все же отступала на второй план ввиду основного назначения университета как образовательного учреждения. Устав 1804 г. не регламентировал нагрузку профессоров (устав 1835 г. уже предписывал преподавать не менее 8 часов лекций в неделю), а анализ обзоров преподавания наук свидетельствует о незначительной нагрузке, которая не превышала 3-4 часа в неделю. Такая нагрузка вполне позволяла заниматься научными исследованиями, однако в большинстве случаев широкому развитию науки мешал, скорее, человеческий фактор и материальные трудности.

Устав 1804 г. представлял собой попытку реализации в условиях Российской империи начала XIX в. модернизированного немецкого университета, а именно «собрания профессоров, ведущих «благородный» образ жизни, занимающихся собственными научными исследованиями, участвующих в деятельности разнообразных ученых обществ, обнимающих весь круг наук в его единстве» (Андреев, 2009а: 406). С этой целью он содержал в себе такие параграфы, как §11 об учреждении ученых обществ, чьи печатные труды могли издаваться «на иждивение хозяйственной суммы»; §55 – о ежемесячных собраниях для обсуждения сочинений, новых открытий, опытов, наблюдений и исследований; §56 – о ежегодном предложении научных задач по «обряду в иностранных университетах и академиях принятому». При этом профессорам вменялось «пополнять курсы свои новыми открытиями, учиненными в других странах Европы», однако ни слова не говорилось о собственных научных занятиях, которые, судя по всему, подразумевались, так как «для распространения наук» при университетах должны были быть учреждены различные кабинеты.

Если анализировать те условия, которые были заложены в уставе 1804 г. и должны были способствовать развитию научных исследований в университетах, то с этой точки зрения самым важным является финансирование учебно-вспомогательных учреждений, где, собственно, и могли проводиться эти исследования. Согласно штатам университетов на ботанические сады и естественные кабинеты полагались отчисления в сумме 1000 и 600 руб. соответственно (в Дерптском университете суммы были больше – 1200 руб. в год на ботанический сад и 1000 на натуральный кабинет). Была ли эта сумма достаточной для полноценной деятельности? При условии, что университет уже имел развитые учебно-вспомогательные учреждения, она могла быть достаточной, однако под это определение подходил лишь один университет – Московский, который в 1812 г. пережил пожар, поэтому также нуждался в значительных финансовых вливаниях.

По этой причине суммы, заложенные штатами университетов, оказались недостаточными. Особенно после наполеоновских войн, когда в России произошло обесценивание денег, а штаты не пересматривались. Например, в Казанском университете в 1816 г. из 1000 руб., полагавшихся на ботанический сад, 500 тратилось на зарплату садовнику и 136 – на плату двум подсобным рабочим, поэтому на сам сад оставалось всего 364 руб. (Загоскин, 1903: 130). В 1817 г. ботанический сад получил дополнительное ассигнование (Загоскин, 1903: 132) в сумме 691 руб. 67 коп., каковое не слишком улучшило его состояние.

Единственным университетом, получившим дополнительное финансирование, был Дерптский университет, чьи штаты были пересмотрены в 1817 г., что подняло его на недостижимые по сравнению с другими российскими университетами высоты. Достаточно сказать, что выделяемая на него ежегодная сумма составила 359 910 руб., тогда как русские университеты получали довольствие по уставу 1804 г. в 130 000 руб.

Ниже приводится сравнительная таблица по основным ключевым показателям финансирования Дерптского университета по уставу 1820 г. и русских (Московского, Казанского, Харьковского) по уставу 1804 г.

Таблица 1. Финансирование Дерптского университета по штату 1817 г. и русских университетов по уставу 1804 г.

Показатель	Университет	Дерптский университет	Русские университеты
Жалованье ординарным профессорам		5000	2000
Надбавка за должность			
Ректору		1000	600
Деканам		300	300

Для частно-преподающих*	2000	-
На научную часть		
Анатомический театр и собрание препаратов	2100	800
Музей изящных искусств	1500	-
Натуральные кабинеты	1500	600
Физический кабинет	2500	500
Химический кабинет и лаборатория	2400	
Обсерватория	2000+6000 прибавочных	500
Собрание технологических и хозяйственных моделей и препаратов для прикладной математики	1000	-
Собрание архитектурных моделей	200	-
Собрание акушерских и хирургических инструментов	600	-
Ботанический сад с садовником	5600	1000
Библиотека	10000	1000
На путешествия по ученым предметам	4000	2000

По данным [Таблицы 1](#) заметно, что отчисления на научную часть в Дерптском университете значительно превышали таковые в русских университетах. Кроме того, некоторые научные собрания русских университетов вообще не имели финансирования по уставу 1804 г. Дерптский университет получил такую значительную прибавку уже в 1817 г., тогда как русские университеты были вынуждены «дожидаться» общеуниверситетского устава 1835 г., который, впрочем, лишь незначительно увеличил суммы на общие расходы: больше всего получил Московский университет – 454 200 руб., а Казанский и Харьковский – по 370 000 руб. Несмотря на это, отчисления по основным научным показателям не слишком разнятся, а по некоторым и вовсе превышают отчисления в русских университетах, например, на натуральный кабинет Дерптского университета полагалось 1500 руб., в русских же университетах до 1835 г. эта сумма составляла 600 руб., а впоследствии 1000 руб.

Нехватка финансирования заставляла университеты искать альтернативные источники пополнения музеев и кабинетов: спасением стали частные пожертвования. Чаще всего жертвователями выступали представители дворянских и купеческих фамилий. В провинциальных университетах число меценатов было значительно скромнее, однако и там находились желающие передать в дар университетам свои коллекции. Пополнению коллекций способствовали также экспедиции ученых, в особенности тех из них, кто работал в университетах. Наиболее масштабные экспедиции проходили под эгидой Академии наук и финансировались государством, однако были еще экспедиции, осуществляемые научными обществами, например, Императорским Московским обществом испытателей природы (МОИП), организованном в 1805 г. при Московском университете и проводившим в жизнь программу изучения Московской губернии.

Пункт о создании научных обществ был одним из параграфов устава 1804 г., однако, только в Московском университете было организовано естественнонаучное общество, в других университетах таких обществ в начале XIX в. не было (хотя другие научные общества были, однако деятельность их была весьма скромной). Это является прямым следствием человеческого фактора, так как Московскому университету повезло получить на одного профессора-биолога больше, и этим одним профессором был очень деятельный зоолог Г.И. Фишер: он явился инициатором создания МОИП, много сил и времени отдал

* §81 устава давал возможность получившим ученую степень преподавать, для чего он должен был представить диссертацию pro venia legendi. Этот параграф впервые в России вводил институт доцентуры, впоследствии закрепленный уставом университета св. Владимира и общеуниверситетским уставом 1863 г. По уставу 1820 г. годовое жалование доцента не должно было превышать 1000 руб.

Музею натуральной истории и постановке преподавания зоологии, одновременно занимаясь собственными научными исследованиями.

В первые десятилетия XIX в. в России только началось складывание образовательной системы, на вершине которой находились университеты, и развитие научных исследований в этих университетах. Имела ли университетская наука достаточно поддержки со стороны государства? Как видится нам, нет, так как университетские уставы 1804 г. содержат всего несколько пунктов, непосредственно относящихся к развитию университетской науки. Недостаточным было и финансирование учебно-вспомогательных учреждений.

Через десять лет после принятия устава российские университеты должны были быть поддержаны со стороны государства, однако наступил неблагоприятный период после наполеоновских войн как с точки зрения отсутствия материальных ресурсов для поддержки науки, так и в связи с изменениями внутренней политики императора Александра. И, если в первой половине царствования император выступал приверженцем либеральных реформ, то вторая половина связана с реакционными действиями, которые отразились и на университетах в том числе. Но если реакционные действия были связаны с русскими университетами (в первую очередь Казанским и Санкт-Петербургским), то немецкий университет – Дерптский – в 1817 г. получил значительную финансовую поддержку. Справедливости ради следует сказать, что в Казанском и Петербургском университетах при попечительстве М.Л. Магницкого и Д.П. Рунича менее всего пострадали физико-математические факультеты, поэтому их упадок следует связывать с общим недостатком финансирования, а никак не с действиями попечителей.

Рост научных учреждений университетов замедлился, точнее не мог продолжиться, именно по причине нехватки финансирования. Но едва ли не большую роль сыграл человеческий фактор, а именно отсутствие высококвалифицированной научной смены в университетах, при том, что правительство старалось привлекать студентов в университеты, в том числе за счет получения чина по Табели о рангах.

В целом государственную политику в сфере университетской науки александровского царствования можно характеризовать как декларативную, нежели действенную. Столкнувшись с множеством проблем во внутренней и внешней политике, Александр I был не в состоянии уделять большое внимание университетам. Поэтому неудивительно, что к началу царствования императора Николая I университеты имели немало проблем, начиная от замещения вакантных кафедр и заканчивая недостатком финансирования, который уже не покрывался дополнительными ассигнованиями.

Подготовка устава началась сразу после вступления Николая I на престол, и в нее были вовлечены сами профессора, чьи мнения обсуждались в процессе выработки университетского устава. Ретроспективное рассмотрение историографического наследия по истории университетов показывает скорее негативное восприятие устава 1835 г. в связи с ограничением университетской автономии, данной уставом 1804 г. В этом вопросе мы всецело поддерживаем А.Ю. Андреева в том, что «в идейном смысле смене уставом 1804 и 1835 гг. соответствовал переход в качестве ориентира от Геттингена к Берлину, то есть от принадлежащей «всему миру» идеальной корпорации ученых (которая, надо сказать прямо, в России не удалась) к национальному университету под контролем и при обеспечении государства» (Андреев, 2009b: 20-21). Как бы ни превозносилась университетская автономия, но университеты были государственными учреждениями, регулируемые и финансируемые государством, поэтому вмешательство государства в дела университетов было естественным.

Одновременно с ограничением автономии уставом 1835 г. с университетов были сняты функции по управлению училищами учебных округов, которые были обременительными для профессоров. Для занятия должности профессора необходимым условием стала степень доктора наук, хотя были исключения. Например, профессор ботаники Харьковского университета В.М. Черняев был принят на должность еще до утверждения устава 1835 г., он же остался профессором и после 1835 г., хотя докторскую степень так и не получил.

Помимо снятия с профессоров обременительных функций устав 1835 г. упорядочил их учебную нагрузку, предписав читать лекции не менее 8 часов в неделю. Усиление специализации за счет разделения кафедр позволяло профессорам углубленно заниматься только одной наукой. К этому времени произошло разделение учебно-вспомогательных

учреждений: вместо единого кабинета естественной истории появились зоологический и ботанический кабинеты, однако отчисления на ботанический кабинет закладывались не отдельно, а в одной статье расходов на ботанический сад. В уставе 1835 г. предусматривались отчисления на научные занятия, такие как награды за решение задач, научные публикации, переписку с иностранными корреспондентами, выписку журналов библиотекой. В связи с наличием отчислений на научные нужды неправомочным представляется довольно часто встречающееся в литературе утверждение, что устав 1835 г. рассматривал университет только как учебное заведение, исключая его научную составляющую.

Это утверждение базируется на словах М.Ф. Владимирского-Буданова, который считал, что отказ от заседаний совета для рассмотрения достижений науки и от назначения тем для профессорских сочинений на премии (Владимирский-Буданов, 1884: 68), являются достаточным для восприятия университета только как учебного заведения. В данном случае нам близка позиция Ф.А. Петрова, который подчеркивает, что «дальнейшее развитие наук делало практически невозможным ежемесячное проведение подобных общеуниверситетских заседаний и научные дискуссии начали проводиться по факультетам» (Петров, 2003: 282). Таким образом, устав 1835 г. не отменял научную деятельность университета, а лишь отказывался от устаревших форм научной работы в связи с усилением специализации и увеличением числа профессоров в университетах. При этом в уставе университета святого Владимира 1833 г., который послужил прообразом устава 1835 г., содержался §31, согласно которому в обязанности профессоров вменялось ежегодно предоставлять Совету сведения об опытах, наблюдениях и открытиях. В устав 1835 г. этот параграф не вошел, как и в устав университета святого Владимира 1842 г. Этот параграф вообще можно рассматривать двояко: с одной стороны он обязывал профессоров заниматься наукой в определенном темпе, не всем удобным, с другой стороны, это было ограничение деятельности профессоров, которые были обязаны отчитываться в своих научных занятиях. Отсутствие этого параграфа вовсе не значило, что профессора не должны были заниматься наукой, отменялась отчетность этих занятий.

Если взглянуть на данные Таблицы 2, то становится заметно, что финансирование университетов согласно уставу 1835 г. было увеличено до уровня штатов Дерптского университета 1817 г., а в некоторых случаях даже превосходило их. В уставе 1835 г. были учтены особенности каждого университета, поэтому в провинциальных и столичных университетах некоторые статьи отличаются. Отличаются они и в университетах, не имевших медицинских факультетов (Санкт-Петербургском и Киевском).

Таблица 2. Финансирование Дерптского университета по штатам 1817 и 1842 гг. и русских университетов по уставам 1833, 1835 и 1842 гг.

Показатель	Дерптский университет		Русские университеты по уставу 1835 г.			Университет св. Владимира	
	Устав 1817 г.	Дополнительные штаты 1842 г.	Петербургский	Московский	Харьковский и Казанский	1833 г.	1842 г.*
	Жалованье						
Ординарным профессорам	5000		5000	5000	4000	4000	4200
Экстраординарным	-		3500	3500	3000	3000	3010

* Так как штаты 1817, 1833 и 1835 г. предполагали финансирование в ассигнациях, а штаты 1842 г. – в серебряных рублях, то для упорядочивания сумм сделан перевод из серебряных рублей в ассигнации по курсу 3 р. 50 коп. ассигнациями за серебряный рубль.

профессорам							
Адъюнктам	-		2500	2500	2000	2000	2100
Для частно-преподающих (доцентов)	2000	6408,5	-	-	-	-	-
	Надбавка за должность						
Ректору	1000		1000	1000	1000	1000	1050
Деканам	300		500	500	500	500	525
	На учебно-вспомогательные учреждения и научные занятия						
Зоотомический театр и собрание препаратов	-	997,5*		1600	1600		
Натуральные кабинеты (ботанический, зоологический и минералогический)	1500	1050					
Ботанический кабинет			400				
Ботанический сад и гербарий	5600	1001		6000	6000	6000	10500
Зоологический кабинет		798	500	500	500	1000	1050
Библиотека	10000		7500	10000	10000	5000	10500
На выписку журналов и газет			1500	2000	2000	1350	2100
Переписка с иностранными корреспондентами			800	1000	1000	500	1050
На печатание сочинений по ученым предметам	2000		1900	2000	2000	1500	2100
Награды за решение задач			900	1200	1200	900	1225
На премии	1200						
На путешествия по ученым предметам	4000						

Особенная статья расходов, которая так и не появилась в штатах русских университетов – это отчисления на путешествия по ученым предметам, которая существовала только в Дерптском университете. Там же были оставлены премии профессорам, в то время как в русских университетах полагались премии студентам за решение научных задач. Оба этих пункта должны были стимулировать науку, но разными путями. Как видится нам, тот путь, который был выбран для русских университетов, представлялся более перспективным в связи с нехваткой русских профессоров: за счет премирования научной работы студентов можно было отбирать лучших из них для продолжения обучения с целью подготовки профессоров.

Несмотря на значительную прибавку, которую получили университеты согласно уставу 1835 г., при рассмотрении проектов в Государственном Совете финансирование их все же было урезано (Таблица 3, ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 106). Самая большая прибавка полагалась Харьковскому университету, самая маленькая – Московскому, чье финансирование было увеличено еще до принятия устава 1835 г. В итоге Московский университет получил 454 200 руб. штата, Санкт-Петербургский – 272 250 руб., а Харьковский и Казанский – по 370 000 руб. ежегодно, а государство сэкономило чуть меньше полумиллиона рублей.

* На содержание кабинета сравнительной анатомии

Таблица 3. Общее сравнение издержек на 4 российских университета

Университеты	В 1835 году производится	Ныне полагается по новому проекту	Предполагается прибавка к ныне производящимся суммам	Полагалось по проекту, возвращенному из Государственного Совета
Петербургский	165 500	293 250	127 750	458 950
Московский	438 099 р 40 к	465 600	27 500 р 60 к	517 950
Харьковский	134 950	374 100	239 150	470 700
Казанский	205 110	375 300	170 190	463 550
Итого	943 659 р 40 к	1 508 250	564 590 р 60 к	1 911 150

Увеличение финансирования было одним из важнейших залогов дальнейшего развития науки в университетах, которые были научными центрами своих учебных округов. Профессора участвовали в изучении природы того края, в котором находился тот или иной университет, тем самым внося свой вклад не только в краеведение, но и в изучение природных богатств России в целом. Тот уровень развития биологических наук, который характеризовал университетскую науку описываемого периода, все еще предполагал количественное, описательное изучение. Поступавшие в музеи и кабинеты экспонаты не всегда использовались для обучения студентов. Некоторые коллекции до сих пор не полностью описаны. В любом случае, университетское законодательство не препятствовало научным исследованиям в университетах, даже в некоторой мере стимулируя их, например, выделением средств для премирования студентов.

Самую важную проблему для развития науки в университетах: подготовку научных кадров, которые бы смогли не только обучать студентов, но и заниматься научными исследованиями, устав 1835 г. так и не решил. Однако в нем была заложена система недопущения старения профессорской корпорации за счет ограничения срока службы профессора 25-ю годами, которая на практике не работала, и многие профессора оставались в университетах сверх положенного срока часто по причине нехватки молодых преподавателей. Особенно это проявилось в конце 1840-х – начале 1850-х гг., во время так называемого «мрачного семилетия», когда был наложен запрет на выезд в Европу для научных стажировок. Это был ощутимый удар по неустоявшейся системе подготовки научных кадров. В совокупности с ограничением числа студентов, запрещением вольнослушателей и увеличением платы за обучение университеты могли лишиться притока талантливых студентов. При этом число студентов на естественном отделении итак было небольшим. Все это привело к тому, что к середине 1850-х гг. в университетах практически не было молодых профессоров-биологов, способных заменить собой представителей поколения, пришедшего в университеты в конце 1820-х – 1830-е гг.

Государственную политику в сфере университетской науки в первой половине XIX в. можно назвать непоследовательной и фрагментарной. Несмотря на определенные действия, которые все же производились властными структурами с целью развития научной составляющей университетского существования, она не была целостной и не имела определенную направленность. Специальное финансирование именно научных исследований в университетах как таковое отсутствовало, не существовало государственной поддержки ученых вне Академии наук. Самой большой проблемой, стоявшей перед Министерством народного просвещения с начала XIX в., был поиск профессоров для занятия вакантных кафедр, однако и в этом случае успешное начинание министерства С.С. Уварова было свернуто в последние годы царствования императора Николая I. В связи с этим мероприятия министерства А.С. Норова при новом императоре Александре II по отправке молодых преподавателей университетов за границу было не только оправданны, но и необходимы.

Как подчеркивал И.М. Сеченов, сам стажировавшийся за границей в конце 1850-х гг., в то время «огромное большинство ехало за границу без всякой серьезной подготовки к самостоятельному труду. Иностранцы, бывшие, как старейшины в науке, всегда нашими

учителями, оказали именно в эту пору огромную услугу русскому просвещению; и всякий русский из той эпохи признает и вспомнит это с самой теплой благодарностью. Работы первых лет, хотя бы даже сплошь ученические (чего, конечно, не было), имеют тем не менее важное значение, представляя наглядное доказательство, что уже в начале разбираемого нами периода многие десятки лиц из русской молодежи прошли очень серьезную школу обучения – факт, какого в России до того еще никогда не бывало» (Сеченов, 1908: 428).

Отсутствие серьезной практической подготовки в университетах первой половины XIX в. делало невозможным развитие университетской науки самостоятельно, без научных стажировок за рубежом. Причем, только после массового отправления молодых выпускников естественных отделений в европейские лаборатории в конце 1850-х – начале 1860-х гг. можно было говорить о конкурентоспособной русской науке. Да, предыдущий этап количественных исследований в науке был важен для ее развития, но только после мероприятий на государственном уровне, таких как поддержка зарубежных стажировок и организация лабораторий для практических занятий при университетах, можно говорить о качественном скачке уровня исследований в университетах Российской империи.

Лаборатории эти появились в университетах согласно штатам нового университетского устава 1863 г. Среди них были следующие биологические кабинеты и лаборатории: ботанические, зоологические, зоотомические, физиологические, гистологические. В [Таблице 4](#) приведены данные по учебно-вспомогательным учреждениям, которые финансировались штатами университетских уставов 1860-х гг.

Таблица 4. Кафедры и учебно-вспомогательные учреждения биологического профиля по уставам 1860-х гг.

1863 г.	1865 г.	1869 г.
Русские университеты	Дерптский	Варшавский
Кафедры		
Морфология и систематика растений	Ботаника	Морфология и систематика растений
Анатомия и физиология растений		Анатомия и физиология растений
Сравнительная анатомия и систематика животных	Зоология	Сравнительная анатомия и систематика животных
Анатомия человека и физиология животных		Анатомия человека и физиология животных
Учебно-вспомогательные учреждения		
		Палеонтологический кабинет
Ботанический сад	Ботанический сад	Ботанический сад
Ботанический кабинет		Ботанический кабинет
Зоологический кабинет и лаборатория	Зоологический музей	Зоологический кабинет и лаборатория
Зоотомический кабинет и лаборатория		Зоотомический кабинет и лаборатория
Физиологический кабинет	Физиологический институт	Физиологический и гистологический кабинеты с лабораторией
Гистологический кабинет		
Музей физиологической анатомии	Анатомический театр и собрание препаратов	Кабинет и лаборатория физиологической анатомии
Собрание препаратов по гистологии		

Если в русских университетах каждое учебно-вспомогательное учреждение получило определенную сумму, то в Дерптском и Варшавском университетах на все учебно-вспомогательные учреждения выделялась единая сумма, которая распределялась в каждом университете по потребностям. Меньше всего полагалось Дерптскому университету,

а лаборатории Варшавского университета, за некоторым исключением, совпадали с таковыми остальных русских университетов. Отметим также, что § 121 устава предусматривал увеличение числа учебно-вспомогательных учреждений по представлению Совета и с разрешения министра народного просвещения при наличии необходимых средств, что в некоторых университетах происходило.

Однако мало было выделить средства на лаборатории, их следовало оснастить оборудованием и наполнить людьми не только занимающимися, но и вспомогательным персоналом. Конечно же, сразу после открытия лаборатории не могли полноценно работать, однако уже через десяток лет появились самостоятельные русские исследования, выполненные в стенах русских лабораторий подготовленными там же русскими исследователями. Все это представляло контраст с предыдущей эпохой, когда «русскому развиваться в самостоятельного работника без обучения на Западе было почти невозможно» (Сеченов, 1908: 429).

Помимо утверждения штатов лабораторий, университетский устав 1863 г. имел и другие положения, направленные на развитие науки. В первую очередь отметим отражение специализации биологических наук в уставе 1863 г.: кафедры ботаники и зоологии, были разделены на две, первая включала систематическое направление в биологии, вторая – анатомо-физиологическое. Помимо специализации преподавания это способствовало специализации научных занятий профессоров, которые занимались той или иной отраслью науки, а не были вынуждены читать весь спектр ботанических или зоологических дисциплин. Такой же состав кафедр заложен в уставе Варшавского университета 1869 г. Состав же кафедр Дерптского университета значительно отличается, причем, в меньшую сторону: устав 1865 г. предусматривал только 2 биологические кафедры – ботаники и зоологии. У дерптского попечителя была возможность увеличить число кафедр в университете в связи с принятием нового устава, но их число не было увеличено намного. В отношении же биологии устав 1865 г. закрепил в составе физико-математического факультета кафедру зоологии, официально появившуюся уже после принятия устава 1820 г. В начале XX в. из-за этого положения о двух кафедрах Дерптский университет испытывал трудности с числом профессоров: лишь в 1898 г. была открыта должность экстраординарного профессора сравнительной анатомии, а профессор ботаники так и остался в единственном числе.

Советы университетов были наделены «научными» полномочиями присуждать премии за ученые труды и медали за решение задач студентами (они назначались факультетами ежегодно с целью «поощрения студентов к ученым занятиям»). Они же оставляли стипендиатов для подготовки к профессорскому званию и представляли через попечителя на утверждение министра отправление молодых людей за границу и предположения об учреждении ученых обществ. Причем, Совет Дерптского университета самостоятельно мог решать вопросы о командировках с ученой целью, без резолюции попечителя и министра. А Совет Варшавского университета, наоборот, был лишен возможности присуждать премии за ученые труды, оставлять стипендиатов для приготовления к профессорскому званию. Подобно русским университетам Совет Варшавского мог отправлять молодых людей за границу и предлагать об учреждении ученых обществ только в качестве представления попечителю.

§82 устава 1863 г. (85 устава Варшавского университета) говорил об обязанностях преподавателей не только давать отчет факультетским собраниям о своем преподавании, но и «исполнять находящиеся в связи с их учеными занятиями поручения факультета и совета» – довольно расплывчатая характеристика, кстати, отсутствовавшая в уставе Дерптского университета. Кроме наличия ученой степени доктора, профессору не вменялось в обязанность проводить какие бы то ни было научные исследования. Устав также не содержал параграфа о том, что университет объявлялся учебным и научным учреждением, каковой, например, открывал уставы 1804 г. Однако он имел параграфы, нацеленные на «развитие ученой деятельности».

Так, устав 1863 г. имел одну главу, которая не встречается ни в уставе 1865, ни в уставе 1869 г. Это глава десятая «О средствах для развития ученой деятельности университета», в которой говорится об учреждении для этой цели ученых обществ. §199 этой главы распространялся и на Дерптский университет, что подтверждалось §81 его устава. Кроме

того, устав 1863 г. полагал распределение средств, полученных за слушание лекций, на награды и премии за решение задач, на медали студентам, на ученые путешествия и командировки, тогда как устав 1835 г. на эти расходы имел установленную штатами определенную сумму.

Подводя итог значению уставов 1860-х гг. и, прежде всего, университетского устава 1863 г., присоединимся к мнению, высказанному Р.Г. Эймонтовой: «Оживление научной жизни в пореформенных университетах прямо связано с введением нового устава, ослабившего бюрократическое влияние, предоставившего больше средств и простора для развертывания научной работы. Упрочение финансового положения университетов позволило укрепить и расширить их материально-техническую базу, лучше обеспечить ученых. Кадровое пополнение должно было благотворно отразиться на исследовательской работе. К тому же вело возобновление контактов с западноевропейской наукой. Расширение полномочий университетских коллегиальных органов, предоставление им большей самостоятельности пошло науке на пользу, поскольку забота о ней передавалась в руки людей более компетентных и преданных ее интересам. Духовная атмосфера в России 60-х годов, с характерными для нее просветительскими идеями и горячей верой в знание, обеспечила науке прочное общественное внимание и поддержку. И прежде всего науке университетской...» (Эймонтова, 1993: 213).

Университетский устав 1863 г. предусматривал возможность увеличения не только числа учебно-вспомогательных учреждений, но и состава их при наличии материальных возможностей. О том, что лаборатории получали дополнительное финансирование из министерства, свидетельствуют материалы комиссии 1875 г., созданной для пересмотра устава. Вот что говорится о поддержании лабораторий Петербургского университета: «Обзор сношений совета университета с г. министром показывает, что не только остатки сумм от личного состава и специальных средств университета употреблялись на улучшение учебно-вспомогательных учреждений, но что от времени до времени Совет университета обращался к г. министру народного просвещения с просьбой об исходатайствовании новых средств на этот предмет и нередко получал удовлетворение» (Материалы..., 1876: 369).

Таким образом, политика министерства народного просвещения была направлена на материальную поддержку учебно-вспомогательных учреждений университетов, хотя эта поддержка была скорее точечной, нежели всеобъемлющей. Е.В. Соболева, анализируя выделение денег министерством на учебно-вспомогательные учреждения, указывает, что суммы выделялись нерегулярно, и к тому же урезались (Соболева, 1983: 58).

При этом в университетах во второй половине XIX в. накопились проблемы материального свойства, связанные с ветхостью и недостаточной просторностью имеющихся помещений, так как число студентов росло, увеличивалось и число экспонатов в музеях и кабинетах, что также требовало дополнительного пространства. А это в свою очередь требовало дополнительных дотаций сверх штата, на что министерство решиться не могло. Как и в отношении образовательного вектора государственной политики, научный вектор характеризуется половинчатостью и незавершенностью реформ в свете изменения внутренней политики часто в связи со сменой царствующего императора.

Так случилось и в 1880-е гг., когда на смену Александру II пришел Александр III. Новый университетский устав 1884 г. – последний в истории Российской империи, самый противоречивый и, вероятно, самый ненавистный как для современников, так и для потомков. При этом при ближайшем рассмотрении оказывается, что многие его начинания приближали российские университеты к классическому университету и были не так и плохи (приват-доцентура, обязательность практических занятий, даже система государственных экзаменов, оставшаяся в университетах до настоящего времени). Больше всего современников волновало отсутствие университетской автономии, хотя это вполне соотносилось с принципами классического университета.

В отношении же университетской науки устав 1884 г. обладал положительным моментом увеличения финансирования учебно-вспомогательных учреждений. Как писал В.Л. Омелянский: «Едва ли не единственной положительной стороной новой политики министерства народного просвещения относительно университетов было значительное увеличение средств для расширения лабораторий. Но в новых стенах – увы! – уже не замечалось прежнего энтузиазма к научной работе; в новых роскошных дворцах уже не

было той дружной работы, которая ключом кипела с утра до ночи в тесных стенах прежних лачуг-лабораторий» (Омелянский, 1910: 119-120).

Однако не всегда увеличение финансирования оказывалось существенным. В.П. Бузескул описывал ситуацию, сложившуюся в Харьковском университете в 1880-е гг.: «Учебно-вспомогательные учреждения физико-математического факультета до 1884 г. получали 12 400 р., что оказывалось недостаточным, и недостаток пополнялся тоже из специальных средств. В штатах 1884 г., при перечислении учебно-вспомогательных учреждений, некоторые из существовавших в Харьковском университете учреждений не были поименованы вовсе, а на содержание всех перечисленных кабинетов и лабораторий назначено 13 000 р., т.е. только на 600 р. больше по сравнению с прежним. Но так как специальные средства, из которых прежде выдавались субсидии некоторым учреждениям, должны были уменьшиться в силу 129 ст. устава, устанавливавшей плату в пользу университета в размере 5 р. в полугодие (в первое полугодие 1885 г. плата за слушание лекций дала 23 290 р., а во второе полугодие, с введением новых правил, – только 7210 р.), то прибавка в 600 р. не могла улучшить положение дела» (Бузескул, 1900: 31-32). Таким образом, даже увеличение финансирования согласно новым штатам, не могло кардинально изменить положение учебно-вспомогательных учреждений.

Касательно числа кафедр биологического профиля, стимулирования научной деятельности студентов путем назначения ежегодных задач, присуждения премий за ученые труды, все это присутствовало и в новом уставе. Последние два пункта относились к ведению факультетов (ранее – Совета), попечитель же выбирал лиц, оставляемых при университетах для подготовки к профессорскому званию, как и к отправке их за границу. Устав 1884 г. значительно расширил полномочия попечителей и самого министерства (например, распределение сумм на учебно-вспомогательные учреждения происходило с утверждения министра), которые и до этого имели большое влияние на университетскую жизнь. Он же обременил преподавателей новыми обязанностями и отчетами, в частности, составлением и бесконечной переделкой учебных планов и обзрений преподавания и перепиской по этому поводу с министерством, что, безусловно, не могло не сказаться на свободном времени и занятиях наукой. В знаменитой «Записке 342-х» (1905) подчеркивалось, что «преподаватели высшей школы низводятся на степень чиновников, долженствующих исполнять приказания начальства. При таких условиях неизбежно понижение научного и нравственного уровня профессорской коллегии» (Записка 342-х, 2005).

Период 1860–70-х гг. уже за счет обстановки подъема научного движения располагал к распространению науки и развитию ее в стенах университетов. Тогда как период 1880–1900-х гг. был сложен не только с точки зрения общей обстановки подозрительности, но и бюрократического давления на профессоров. Это, безусловно, отразилось на научной жизни университетов.

Кроме того, сохранялась проблема нехватки финансирования. Е.В. Соболева указывает, что расходы на науку составляли около 3,5-4 % от общей суммы государственного бюджета (Соболева, 1983: 55). П.Н. Извольский подчеркивал, что «весь бюджет русских университетов для обширной империи с населением в 137 миллионов по финансовой смете МНП на 1906 год исчислен в сумме 5 065 656 рублей, тогда как Германия с населением в 57 миллионов тратит на свои университеты, владеющие обширными доходными имуществами, до 14 000 000 рублей в год казенных средств» (ОР РНБ. Ф. 781. Ед. хр. 103. Л. 7).

Чтобы «заткнуть» дыру в бюджете, приходилось не единовременно, а постепенно вводить необходимое увеличение штатов учреждений, в результате чего, требуемая реорганизация кафедр в университетах проходила недостаточно быстро, не успевая подстроиться под общемировую тенденцию. Так, при пересмотре университетского устава 1884 г. в начале XX в. университеты обращали внимание на необходимость постройки различных учебно-вспомогательных учреждений. Харьковский университет просил о постройке Зоологического института в связи с тем, что помещение зоотомического кабинета было тесным и не могло вместить достаточное количество слушателей. Там не было комнаты для препаровки, помещения для животных, помещения для аквариумов, а вода не была проведена в здание (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 265. Л. 388 об.), что значительно затрудняло как учебный процесс, так и научные занятия.

Говоря о нуждах учебно-вспомогательных учреждений, Харьковский университет подчеркивал, что ежегодного доассигнования требуется 27500 руб. на содержание лаборантов и ассистентов и самих учебно-вспомогательных учреждений, кроме того еще 1000 руб. на экскурсии преподавателей и студентов (РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 267. Л. 294).

Несмотря на нехватку средств и длительный отказ министерства от пересмотра штатов университетов, оно все же решалось на точечное финансирование, поэтому большие успехи на рубеже веков были достигнуты в деле строительства новых зданий для лабораторий и научных институтов университетов Российской империи и основную роль в этом сыграло государство, хотя зачастую дополнительные средства на строительство изыскивались из специальных средств университета или поступали от жертвователей.

Так, на средства В.А. Хлудова и В.А. Морозовой было построено здание для нужд ботаники в Ботаническом саду Московского университета. Санкт-Петербургский университет получил средства для постройки такого же здания в своем Ботаническом саду от выпускника, ботаника М.С. Воронина. В то же время из министерства отпускались средства для постройки зданий Московского, Харьковского, Санкт-Петербургского университетов. Самое большое ассигнование 1859 176 руб. 92 коп. было выделено Московскому университету для возведения учебно-вспомогательных учреждений, среди которых были библиотека, здание для помещения зоологического музея, фармацевтического института, ботанического кабинета и кабинета сравнительной анатомии и здание метеорологического института (Извлечение..., 1905: 71).

4. Заключение

Таким образом, характеризуя влияние университетских уставов на развитие университетской науки, отметим, что их основной вклад состоял, во-первых, в финансировании научных учреждений, а во-вторых, в предоставлении возможности профессорам свободно заниматься исследованиями. Первая половина XIX в. отмечена недостаточным финансированием университетов и отсутствием механизма подготовки научных кадров. Несмотря на десятилетнее существование Профессорского института и предусмотренную уставом 1835 г. стимуляцию научных занятий студентов за счет назначения научных задач и присуждения премий, существенного развития университетской биологической науки не произошло, а конец 1850-х гг. вообще был отмечен кадровым голодом, осложнявшимся тем, что в университетах отсутствовали лаборатории и практические занятия на постоянной основе.

Вторая половина XIX в. отмечена не только увеличением количества «научных» статей в университетских уставах, но также закреплением специализации биологических наук путем деления кафедр и появлением исследовательских лабораторий, финансирование которых закладывалось в штаты университетских уставов. Тем не менее, многие проблемы с финансированием университетские уставы не могли решить. И к концу XIX в. количество проблем только увеличилось, однако финансирование, предусмотренное уставом 1884 г., не было достаточным для лабораторий, которые нуждались в расширении имеющихся помещений и закупке нового оборудования. Устав 1884 г. в научной части практически не отличался от устава 1863 г., однако обременение профессоров множеством канцелярских обязанностей в связи с активным вмешательством министерства в повседневные дела университетов, никак не способствовало развитию науки, как это признавали сами профессора.

В отношении биологической науки, именно университетские уставы, а именно устав 1863 г., сыграли важную роль в ее расцвете во второй половине XIX в. Конечно, без других действий государства (заграничные стажировки, финансирование отдельных мероприятий в университетах, поддержка инициатив профессоров) и пресловутого человеческого фактора (в 1860-70-е гг. в университетах работало и училось целое поколение талантливых биологов), успех не был бы стольким разительным, однако следует признать тот факт, что университетские уставы являлись важнейшими установлениями для развития университетской биологической науки.

Литература

Андреев, 2009a – Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы М.: Знак, 2009. 640 с.

Андреев, 2009b – Андреев А.Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.). // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начало XX в.: Сб. ст. / [отв. сост. А.Ю. Андреев; отв. ред. серии А.В. Доронин]. М.: РОССПЭН, 2009. 335 с. С. 9-31.

Бузескул, 1900 – Бузескул В.П. Краткий очерк истории Харьковского университета в царствование императора Александра III. Харьков: в универс. типографии, 1900. 45 с.

Владимирский-Буданов, 1884 – Владимирский-Буданов М.Ф. История Императорского университета св. Владимира. Киев: в тип. ун-та св. Владимира, 1884. 674 с.

Глинский, 1900 – Глинский Б.Б. Университетские уставы // *Исторический вестник*. 1900. № 2. С. 718-742.

Загоскин, 1903 – Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета: в 4-х т. Т. III. Казань: в универс. типографии, 1903. 593 с.

Записка 342-х, 2005 – Записка 342-х // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 6 (44). [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/zaa12.html> (дата обращения: 05.03.2019).

Извлечение..., 1905 – Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1903 год. СПб., 1905.

Материалы..., 1876 – Материалы, собранные Отделом Комиссии для пересмотра общего устава российских университетов при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 г. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1876. 500 с.

Омелянский, 1910 – Омелянский В.Л. Развитие естествознания в России в последнюю четверть века // *История России в XIX веке*. Т. 9. М.: Изд-во бр. Гранат, 1910. С. 116-143.

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Петров, 2003 – Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: в 4-х т. Т. 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 480 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сементковский, 1911 – Сементковский Р.И. Устав и наука (Из университетских воспоминаний) // *Исторический вестник*. 1911. №3. С. 1004-1013.

Сеченов, 1908 – Сеченов И.М. Беглый очерк научной деятельности русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие // *Собрание сочинений*: в 2-х т. Т. 2. М.: Изд. ИМУ, 1908. С. 419-434.

Соболева, 1983 – Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л.: Наука, 1983. 262 с.

Эймонтова, 1993 – Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века М.: Наука, 1993. 272 с.

References

Andreev, 2009a – Andreev, A.Yu. (2009). Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy [Russian universities of XVIII – first half of XIX century in the European universities history contest] M.: Znak, 640 p. [in Russian]

Andreev, 2009b – Andreev, A.Yu. (2009) «Ideya universiteta» v Rossii (XVIII – nachalo XX v.). [The idea of University in Russia (XVIII – the beginning of XX century)]. «Byt' russkim po dukhu i evropeitseem po obrazovaniyu»: Universitety Rossiiskoi imperii v obrazovatel'nom prostranstve Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy XVIII – nachalo XX v.: Sb. st. [otv. sost. A.Yu. Andreev; otv. red. serii A.V. Doronin]. M.: ROSSPEN, 335 p. pp. 9-31. [in Russian]

Buzeskul, 1900 – Buzeskul, V.P. (1900). Kratkii ocherk istorii Khar'kovskogo universiteta v tsarstvovanie imperatora Aleksandra III [Brief essay about history of Kharkov University during the reign of Emperor Alexander the Third]. Khar'kov: v univers. tipografii, 45 p. [in Russian]

Eimontova, 1993 – *Eimontova, R.G.* (1993). Russkie universitety na putyakh reformy: shestidesyatye gody XIX veka [Russian Universities on the reform ways: sixties of XIX century]. M.: Nauka, 272 p. [in Russian]

Glinskii, 1900 – *Glinskii, B.B.* (1900). Universitetskie ustavy [University statutes]. *Istoricheskii vestnik*, 2: 718-742. [in Russian]

Izvlechenie..., 1905 – *Izvlechenie iz vsepoddanneishego otcheta ministra narodnogo prosveshcheniya za 1903 god.* SPb., 1905. [in Russian]

Materialy..., 1876 – *Materialy, sobrannye Otdelom Komissii dlya peresmotra obshchego ustava rossiiskikh universitetov pri poseshchenii ikh v sentyabre, oktyabre i noyabre 1875 g.* [Materials, collected by department of the committee for revision of statute of Russian Universities during visiting them in September, October and November of 1875]. Spb.: tip. V.S. Balasheva, 1876, 500 p. [in Russian]

Omelyanskii, 1910 – *Omelyanskii, V.L.* (1910). Razvitie estestvoznaniya v Rossii v poslednyuyu chetvert' veka [The development of natural science in Russia during last quarter of century]. *Istoriya Rossii v XIX veke*, vol. 9. M.: Izd-vo br. Granat, pp. 116-143. [in Russian]

OPI GIM – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [The department of writing sources of State historical museum]. [in Russian]

OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [The department of manuscripts of Russian national library]. [in Russian]

Petrov, 2003 – *Petrov, F.A.* (2003). Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii: v 4-kh t. T. 3. Universitetskaya professura i podgotovka Ustava 1835 goda [Formation of the system of University education in Russia; in 4 vol. Vol. 3. University professors and preparation of University statute of 1835]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 480 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. [in Russian]

Sechenov, 1908 – *Sechenov, I.M.* (1908) Beglyi ocherk nauchnoi deyatel'nosti russkikh universitetov po estestvoznaniyu za poslednee dvadtsatipyatiletie [Superficial essay of scientific activity of Russian Universities in natural science for last twenty five years]. *Sobranie sochinenii: v 2-kh t. Vol. 2.* M.: Izd. IMU, pp. 419-434. [in Russian]

Sementkovskii, 1911 – *Sementkovskii, R.I.* (1911) Ustav i nauka (Iz universitetskikh vospominanii) [Statue and science (From university memories)] // *Istoricheskii vestnik*, N3, pp. 1004-1013. [in Russian]

Soboleva, 1983 – *Soboleva, E.V.* (1983). Organizatsiya nauki v poreformennoi Rossii [Science organization in post reformed Russia]. L.: Nauka, 262 p. [in Russian]

Vladimirskii-Budanov, 1884 – *Vladimirskii-Budanov, M.F.* (1884) *Istoriya Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira* [History of imperial st. Vladimir University]. Kiev: v tip. un-ta sv. Vladimira, 674 p. [in Russian]

Zagoskin, 1903 – *Zagoskin, N.P.* (1903). *Istoriya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta: v 4-kh t. T. III.* [History of Imperial Kazan University in 4 volumes, Vol. 3]. Kazan': v univers. tipografii, 593 p. [in Russian]

Zapiska 342-kh, 2005 – *Zapiska 342-khn* [Elektronnyi resurs] [The note of 342]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2005, 6(44). [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/zaa12.html> (data obrashcheniya: 05.03.2019). [in Russian]

Влияли ли уставы на развитие биологической науки в университетах Российской империи?

Екатерина Юрьевна Жарова ^{а, *}

^а Институт истории естествознания и техники Российской академии наук (ИИЕТ РАН),
Российская Федерация

Аннотация. Автор статьи анализирует университетские уставы на предмет выяснения особенных статей, повлиявших на развитие науки, в особенности биологии. Каждый университетский устав основное внимание уделял функционированию университета как образовательного учреждения, поэтому наука в уставах отодвинута на второй план. Тем не менее, каждый устав содержал некоторые параграфы, которые напрямую были направлены на успешное развитие научных исследований в университетах. Однако таких специализированных параграфов в уставах было не так много, так как основным предназначением университета должно было быть образования. Абстрагируясь от исключительно образовательной деятельности, в уставах, тем не менее, можно обнаружить параграфы, которые напрямую не были направлены на развитие наук, однако опосредованно все же влияли на научную деятельность университетов.

Ключевые слова: Устав университета, Российская империя, университеты, естественный факультет, наука.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: zharova_ekaterina@bk.ru (Е.Ю. Жарова)